

24. Лазарев А. И. Межэтнические связи в несказочной прозе Урала // Девятые Бирюковские чтения. Программа. 30 мая – 1 июня. – Челябинск: б. и., 1990. – 26 с.
25. Лазарев А. И. Методика картографирования литературных явлений // Шестые Бирюковские чтения, посвященные вопросам теории и практики краеведческой работы: программа. 19–22 окт. 1983 г. – Челябинск: ЧГИК, ЧелГУ, 1983. – 14 с.
26. Лазарев А. И. Наука патриотизма. Вчера в Челябинске открылась традиционная встреча краеведов – «Бирюковские чтения» // Челябинский рабочий. – 1980. – 16 окт.
27. Лазарев А. И. П. И. Юхневич – фольклорист и этнограф // Третьи «Бирюковские чтения»: информ. сб. – Челябинск: б. и., 1975. – 41 с.
28. Лазарев А. И. Песни уральских казаков // Десятые Бирюковские чтения: программа, 12–14 нояб. – Челябинск: б. и., 1992. – 12 с.
29. Лазарев А. И. Свод уральского фольклора как актуальная задача советской фольклористики // Четвертые Уральские «Бирюковские чтения». Приглашение. – Челябинск: б. и., 1977. – 6 с.
30. Лазарев А. И. Учение К. Маркса и актуальные вопросы изучения духовной культуры народа // Шестые Бирюковские чтения, посвященные вопросам теории и практики краеведческой работы. Программа. 19–22 окт. 1983 г. – Челябинск: ЧГИК, ЧелГУ, 1983. – 14 с.
31. Лазарев А. И. Фольклор Великой Отечественной войны в записях В. П. Бирюкова // Тезисы докладов и сообщений вторых Уральских Бирюковских чтений. Челябинск, окт. 1974 г. – Челябинск: б. и., 1974. – 102 с.
32. Лазарев А. И. Фольклор и современная культура // Первые Уральские Бирюковские чтения: докл. и сообщения. Челябинск, 13–14 сент. 1973 г. – Челябинск: б. и., 1974. – 113 с.
33. Лазарев А. И. Фольклор и современная культура /по материалам экспедиций 1970–1973 гг. // Тезисы докладов и сообщения первых «Бирюковских чтений». Челябинск, 13–14 сент. 1973 г. – Челябинск: б. и., 1973. – 52 с.
34. Лазарев А. И. Формирование нового мышления советских людей и проблемы краеведения // Восьмые Бирюковские чтения. 18–21 мая 1988 г.: программа. – Челябинск: б. и., 1988. – 22 с.
35. Лазарев А. И. Челябинск и челябинцы в русском фольклоре // Седьмые Бирюковские чтения, посвященные 250-летию Челябинска: тез. докл. – Челябинск: Челябинский рабочий, 1987. – 157 с.
36. Лауреаты премии им. В. П. Бирюкова с 1973 по 2006 г. // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. и науч.-популяр. ст. / науч. ред. проф. С. С. Загребин. Вып. 5. Историко-культурное наследие российских регионов: в 2 ч. – Челябинск: изд-во Марины Волковой, 2008. Ч. 1. – 560 с.
37. Любовь к родному краю. Закончились «Бирюковские чтения» в Челябинске // Челябинский рабочий. – 1975. – 17 сент.
38. Мельц М. Я. Уральские Бирюковские чтения // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. XXX. / отв. ред. А. Н. Розов. – СПб.: Наука, 1999. – 567 с.
39. Новиков И. А. Уральским Бирюковским чтениям – 40 лет: история и статистика // XX Уральские Бирюковские чтения: Краеведческие поиски и находки: материалы всерос. науч.-практ. конф., 29 нояб. 2013 г. / под общ. ред. В. В. Садырина, Г. С. Шкренья. – Челябинск: Абрис, 2013. – 484 с.
40. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р–12. Оп. 1. Д. 142.
41. ОГАЧО. Ф. Р–238. Оп. 1. Д. 118.
42. Первые Уральские «Бирюковские чтения»: докл. и сообщения. Челябинск, 13–14 сент. 1973 г. – Челябинск: б. и., 1974. – 113 с.
43. Федорова В. П. Брак-умыкание у шатровских старообрядцев // Седьмые Бирюковские чтения, посвященные 250-летию Челябинска: тез. докл. – Челябинск: Челябинский рабочий, 1987. – 157 с.
44. Федорова В. П. В. П. Бирюков – собиратель и хранитель частных архивов // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 25–26 февр. 2011 г.: в 2 ч. / ред. проф. Н. Г. Апухтина. – Челябинск: б. и., 2011. Ч. II. – 350 с.
45. Челябинский государственный педагогический университет: энциклопедия / гл. ред. и сост. Г. С. Шкренья. – Челябинск, 2009. – 1144 с.
46. Шмаков А. А. Значение литературного наследия В. П. Бирюкова для культуры Урала // Первые Уральские Бирюковские чтения: докл. и сообщения. Челябинск, 13–14 сент. 1973 г. – Челябинск, 1974. – 113 с.

Петушко Н. Е.

Белорусский государственный университет культуры и искусств

СТАРОСТЬ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ

В библиотековедении к концу XX в. сложилось особое направление, получившее наименование социономического библиотековедения. Оно возникло на основе выявления и изучения специфики библиотечного обслуживания социально уязвимых групп пользователей и представляет собой синтез дефектологических, геронтологических, пенитенциарных, медицинских и библиотековедческих знаний. Существенный вклад в развитие данного направления был внесен А. Е. Шапошниковым. Ученый указывал: «Подобно тому, как наряду с общей педагогикой существует сурдо-, тифло- и олигофренопедагогика, так и в библиотековедении должны разрабатываться вопросы, связанные со спецификой библиотечного обслуживания лиц, которые не могут в силу каких-либо причин пользоваться обычными книгами или требуют к себе особого подхода» [11, с. 17]. Это утверждение значимо для проблематики, которой мы занимаемся [6–8], поскольку служит доказательством правомерности обоснования организации осо-

бой библиотечной среды для лиц пожилого возраста. Методологической основой исследования является основополагающий в библиотековедении принцип равных возможностей доступа к информации, реализация которого предполагает активное вовлечение в систему библиотечного обслуживания пользователей пожилого возраста на базе библиотек разных типов и видов, обеспечение свободного, безбарьерного доступа пожилых к мировым информационным ресурсам. В основе данного принципа лежат положения гуманистической психологии, педагогики и философии о человеке как высшей ценности, необходимости реализации его потенциальных возможностей. Для решения педагогических проблем библиотечного обслуживания лиц пожилого возраста большое значение имеют теоретические положения о компенсации и коррекции нарушенных функций, ведущей и стимулирующей роли обучения и воспитания.

Пожилые люди – генерация лиц старшего возраста, в которой в соответствии с классификацией Всемирной организацией здравоохранения Организации объединенных наций, выделяют четыре подгруппы: собственно пожилые (55–64 года), старые (65–74 года), очень старые (75–84 года), престарелые (85 лет и старше). В некоторых случаях выделяют подгруппу долгожителей (свыше 100 лет) [9, с. 563]. Такая характеристика является общепризнанной. Ученые или основываются на ней, или выдвигают свои гипотезы типологии старения. Так, Е. Ф. Молевич [5], указывает: «Никакой единой оценки старости нет. На деле мы имеем дело с двумя совершенно разными группам, качественно отличающимися друг от друга». Обосновывая свою точку зрения, автор акцентирует внимание на том, что возрастная группа 65–75 лет характеризуется большей или меньшей утратой способности к материальному обеспечению и почти полным сохранением к самообслуживанию. Возрастная группа за 75 лет – это люди, которые утрачивают способность к труду, переходят на полное иждивение и практически утрачивают способность к самообслуживанию. Кроме того, ряд авторов представляют как негативное, так и позитивное понимание старости и старения. Первые рассматривают старость как необратимый разрушительный процесс, который ведет к недостаточности функций организма; как период полной незанятости, отсутствия каких-либо ролей, кроме семейных, растущей социальной изоляции, физической и умственной недостаточности [1; 12]. Позитивное отношение к старости связывают с именем Марка Туллия Цицерона. Изучив разные оценки старости и отвергая большинство отрицательных суждений, философ сосредотачивает внимание на ее достоинствах: богатом духовном опыте, далеко выходящем за границы осмысления исключительно собственной жизни; способности к новому миропониманию, мировосприятию; все увеличивающемся с годами влиянии человека, поскольку именно прожитые годы позволяют почувствовать и ощутить наличие и воздействие того нравственного опыта, который накапливается у человека к старости [2, с. 237]. Современные ученые также рассматривают старость как экзистенциальную ценность, а именно то, что любое бытие человека есть самоценность, вне зависимости от возраста и других характеристик. Отметим, что отрицательное или положительное отношение ученых к старости связано еще и с поведением людей пожилого возраста. В литературе выделяют и описывают несколько стратегий поведения. Первая стратегия характеризуется конструктивным подходом. В данном случае пожилой человек сглаживает патогенный характер кризисной ситуации и адаптируется к ней. Признаком конструктивизма в поведении выступает активность пожилого человека. Вторая стратегия – неконструктивная. Здесь ключевые аспекты связаны в какой-то степени с асоциальностью.

Таким образом, пожилые люди из-за процесса старения могут испытывать затруднения в социализации и инкультурации обычными способами. Социализация этих людей достигается через социальную реабилитацию и интеграцию, компенсацию нарушенных функций, чему может способствовать и библиотека. Через удовлетворение потребностей лиц пожилого возраста в информации она содействует социокультурной реабилитации, под которой понимается «процесс, имеющий целью помочь человеку достигнуть и поддержать оптимальную степень участия в социальных взаимодействиях и необходимый уровень культурной компетенции, что обеспечивает им средства для позитивных изменений в образе жизни за счет расширения рамок независимости» [4, с. 244].

В связи с этим содержание библиотечной реабилитационной работы предусматривает: 1) содействие компенсации «социального дефекта», связанного с процессом старения личности (агрессивность, конфликтность, недовольство, разочарование, напряженность, негативизм, самоизоляция, депрессия, деформация личности и др.) и социокультурной адаптации на данном жизненном этапе человека; 2) помощь пользователям пожилого возраста в получении образования, повышении профессионального уровня; 3) формирование информационной культуры пользователей пожилого возраста, позволяющей им самостоятельно ориентироваться в информационном пространстве, расширять границы коммуникации, самообразования и т. п.; 4) организация и проведение досуговой

деятельности и общения с целью овладения и развития коммуникативных навыков в стандартных социокультурных ситуациях; 5) содействие интеллектуальному и духовному общению пожилых читателей с молодежью в контексте передачи опыта, знаний, ценностных ориентиров и т. п. Поэтому библиотечная среда должна представлять собой совокупность средств и условий, обеспечивающих лицам пожилого возраста полноценное удовлетворение информационных потребностей и запросов, необходимых и достаточных для самостоятельного (и/или с помощью библиотечного специалиста) решения встающих перед ними социальных и других проблем.

Структурно-содержательные характеристики ресурсов библиотечной среды для лиц пожилого возраста можно условно классифицировать по трем группам: предметно-пространственные ресурсы (помещения, мебель, предметы интерьера, оборудование, рабочее место, маршруты передвижения в пространстве библиотеки), информационные ресурсы (документный фонд, справочно-поисковый аппарат, электронные БД, средства удаленного доступа к информационным ресурсам) и социопсихолого-педагогические ресурсы (библиотекари, социальные работники, библиотерапевты, помощь в освоении социальных ролей и социальных отношений, удовлетворение социальных потребностей, содействие в повышении социального статуса, освоения социальных норм и правил, формирование чувства социальной защищенности, эмоционально-положительного настроения).

Подобная характеристика ресурсов библиотечной среды помогает отделить их от конкретной библиотечной ситуации и рассматривать в качестве явлений, обладающих собственной ценностью. Это позволяет раскрыть их функциональные возможности в процессе передачи социального опыта, интенсификации деятельности, направленной на его освоение, смягчение ограничений, обусловленных процессом старения и возрастными психофизиологическими изменениями человека.

Адаптация системы библиотечного обслуживания, всей информационной библиотечной среды к нуждам лиц пожилого возраста с целью более полного удовлетворения их информационных потребностей предполагает внесение соответствующих изменений во все элементы системы «библиотека». Если принять за основу четырехэлементную модель библиотеки, предложенную Ю. Н. Столяровым [10], то можно проследить определенную взаимосвязь трансформации каждого из ее элементов в процессе включения пожилых людей в число пользователей. Так, информационные ресурсы библиотеки должны включать книги, напечатанные крупным шрифтом, озвученные документы, материалы легкого чтения. Комплектование библиотечного фонда конкретными изданиями должно осуществляться на основе учета спроса и предпочтений пользователей, их ориентации на работу с определенными носителями информации.

Оперативное обеспечение библиографической информации лиц пожилого возраста становится решающим фактором создания для них равных возможностей доступа к информации. В современных условиях библиографических ресурсов одной библиотеки недостаточно для предоставления пожилым и пожилым незрячим равного доступа к информации. Этот недостаток можно компенсировать путем использования библиографических продуктов и услуг других библиотек. Внедрение автоматизированных технологий и телекоммуникации способствуют взаимодействию библиотек различных типов информационных служб в удовлетворении потребностей пожилых пользователей в информации.

Соответствующие изменения происходят и в материально-технической базе библиотеки. Библиотечные помещения, читательские зоны, мебель следует приспособить для самостоятельной ориентировки и комфортной работы пожилых читателей. Кроме того, понадобятся различные вспомогательные технические средства для пожилых людей и пожилых с дефектов зрения. Это и электронные лупы, и «читающие» машины, и адаптированные для пожилых незрячих автоматизированные рабочие места с брайлевским дисплеем, синтезатором речи, которые обеспечивают равные возможности доступа к информации.

Комфортность обслуживания лиц пожилого возраста предполагает создание таких условий, когда вся библиотечная инфраструктура организована не только с учетом потребностей «среднестатистического» пользователя, но и ориентирована на потребности и возможности людей с различного рода ограничениями.

Библиотечному персоналу, для того чтобы оказывать квалифицированную помощь лицам пожилого возраста, необходимо будет овладеть основами геронтологии, методикой обслуживания пользователей пожилого возраста, навыками работы со специальной техникой для слепых пожилых лиц.

В процессе создания библиотечной среды необходимо учитывать социализирующее влияние новых информационных технологий. Исследователи отмечают возрастание социализирующей роли средств массовой информации, рассматривают проблемы социализации в неразрывной связи с созданием и функционированием новой информационной среды [3, с. 260–274]. Ведущей особенностью современных информационных технологий является их интерактивный характер. Появление для пользователей возможности активно участвовать в информационных потоках обусловило усиление влияния информации на процессы социализации. В силу этого ценность информации определяется не столько ее массовостью и общедоступностью, сколько возможностью персонализации. Наиболее полно эта возможность реализуется в коммуникации посредством сети Интернет. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2016 г. доля пользователей услугами сети Интернет среди лиц пожилого возраста составила 23,7 %. Практически 86,2 % лиц пожилого возраста используют сеть Интернет для поиска информации. Велик удельный вес тех, кто использует сеть Интернет для оправки, получения электронной почты, переговоров (55,7 %), для интерактивного общения на онлайн-форумах, чатах (55,2 %), для просмотра и скачивания фильмов, прослушивания и скачивания музыки и т. п. (52,4 %).

В связи с этим проблема социализации лиц пожилого возраста в условиях новой информационной среды предполагает два основных аспекта: изучение виртуальной среды как нового ресурса социального развития личности пожилого человека, т. е. влияния новых информационных технологий на процессы социализации в целом; изучение изменений основных параметров социального развития конкретного лица пожилого возраста под влиянием виртуальной среды.

Учитывая, что научное изучение социально-психологических проблем компьютерно-опосредованной коммуникации находится в стадии становления, а проблемы связанные с влиянием новых информационных технологий на процессы социального развития личности разработаны недостаточно, роль библиотеки в адаптации лиц пожилого возраста в компьютерной среде трудно переоценить.

Информатизация позволяет любой библиотеке не только значительно улучшить качество и расширить ассортимент предоставляемых пользователям информационных продуктов и услуг, но и создать максимально комфортную среду для образования, повышения квалификации, реабилитации и досуга лиц пожилого возраста с помощью внедрения современных технологий во все библиотечно-информационные процессы.

Таким образом, геронтологическая проблематика социономического библиотековедения убеждает в том, что существуют реальные основания для дальнейшего синтеза социономических и библиотечно-информационных знаний. В будущем коллизия между социальными и психофизиологическими дефектами (как бы их ни называли) и беспрепятственным доступом к информации сохранится, а, следовательно, сохранится потребность в помощи «особым» людям.

1. Александрова, М. Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии / М. Д. Александрова. – Л.: ЛГУ, 1974. – 127 с.
2. Афанасьева, Т. С. Старость в психолого-педагогических науках / Т. С. Афанасьева // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. Вып. 4 (9) / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2007. – С. 236–241.
3. Берестова, Т. Ф. Информационное пространство библиотеки: понятие и структура / Т. Ф. Берестова // Библиотековедение. – 2007. – № 4. – С. 38–42.
4. Диянская, Г. П. Принцип равных возможностей в тифлобиблиотековедении и библиотечном обслуживании инвалидов по зрению / Г. П. Диянская; Рос. гос. б-ка для слепых. – М., 1998. – 344 с.
5. Молевич, Е. Ф. К анализу сущности и формы социальной старости / Е. Ф. Молевич // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 62–65.
6. Петушко, Н. Е. Библиотечная социономика: теоретико-методические аспекты / Н. Е. Петушко // Материалы Международного конгресса «Библиотека как феномен культуры» (Минск, 23–24 окт. 2013 г.) / Национальная библиотека Беларуси; сост. А. А. Суша. – Минск, 2013. – С. 221–229.
7. Петушко, Н. Е. Социономическое библиотековедение: к определению содержания / Н. Е. Петушко // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – 2012. – № 1(17). – С. 104–113.
8. Петушко, Н. Е. Частная методика библиотечного обслуживания: пути разработки специализированных учений / Н. Е. Петушко // Культура: открытый формат – 2014 (библиотековедение, библиографоведение и книговедение, искусствоведение, культурология, музееведение, социокультурная деятельность): сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств; [сост.: Т. Н. Бабич, Ю. А. Переверзева; ред. сов.: В. Р. Языкович (председатель) [и др.]; рец.: А. И. Жук, М. А. Можейко]. – Минск: БГУКИ, 2014. – С. 386–392.
9. Социальная работа / под общей ред. проф. В. И. Курбатова. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999. – 576 с. – (Серия «Учебники, учебные пособия»).
10. Столяров, Ю. Н. Библиотека: структурно-функциональный подход / Ю. Н. Столяров. – М.: Книга, 1981. – 255 с.

11. Шапошников, А. Е. Современное состояние и перспективы развития библиотечного обслуживания слепых в Советском Союзе : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / А. Е. Шапошников; Моск. гос. ин-т культуры. – М., 1964.

12. Яцемирская, Р. С. Социальная геронтология: учеб. пособие для студентов вузов / Р. С. Яцемирская, И. Г. Беленькая. – М.: ВЛАДОС, 1999.– 224 с.

Рябов С. В., Рябова Н. Е.
«АРТ-Фестиваль – Роза ветров»

КУЛЬТУРА – КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО?

С начала 1990-х гг., после развала СССР, культуре отводилась минимальная роль в хозяйственной деятельности как всей страны, так и отдельных региональных субъектов. Выработалась твёрдая убежденность, что культура не способна повлиять на экономическую и политическую ситуацию в государстве. Её финансирование осуществлялось по остаточному принципу, а в некоторых случаях полностью отсутствовало, и сохранялась минимальная активность отраслей культуры только благодаря энтузиазму людей и за счёт «инерции» прошлой социальной жизни. Поддержанию активности в ключевых отраслях культуры способствовал богатый накопленный опыт десятилетий. Родители по привычке отдавали своих детей и внуков в школы искусств и музыкальные образовательные учреждения, не обращая внимания ни на изношенные музыкальные инструменты и оборудование, ни на осыпавшуюся штукатурку в классах.

Преподаватели по разным причинам сохраняли профессиональную ориентацию, отдавая свои силы и знания подрастающему поколению. Одним было трудно осваивать новую профессию, другим мешали внешние объективные факторы.

Но, с каждым годом численность мастеров своего дела в сфере культуры сокращалась, а качество преподавания стремительно падало. На первое место вышли коммерческая целесообразность и внешняя привлекательность. Внешний лоск исполнителя и яркость сопровождения вытесняли собой профессиональные качества и навыки.

Тенденция отклонения от вековых стандартов исполнительского мастерства регулярно подкреплялась новыми мотивационными факторами. С каждым годом важнее становилось «слыть, чем быть»! Одним из ярких подтверждений данного процесса можно привести факт появления такого термина, как «неформат». Говоря иначе, то, что, не профессионально или не «академично», то модно и будет востребовано. Вследствие чего мир музыки заполнился искажёнными голосами, в одежде комфорт, безопасность и пропорциональность заменились «вызовом», и «провокациями» в одежде. Чем больше и сильнее отклонение, тем больше шансов на выживание. Чем больше «неформата», тем больше конкурентоспособности!

Форма и содержание самого понятия «культура» подвергалось критической переоценке и трансформации.

Подобное наблюдалось и наблюдается последние 15–18 лет. Но при этом в последние годы появилась новая тенденция. Если верить большинству экономических и политических источников, деградация общества и экономики сменилась стабилизацией и не доминирует так ярко, как в 90-е годы. Более того, в отдельных отраслях наблюдается прогресс и рост активности и благосостояния. Достигнутые результаты становятся ещё более ценными, если учесть негативное внешнее давление, как политическое, так и экономическое. Напрашивается вывод. Всего этого удалось добиться, не уделяя особого внимания вопросам культуры, её сохранения и пропаганды, ограничиваясь минимальным набором социальной поддержки со стороны государства.

Но вот вопрос. Почему в последнее время участились случаи акцентирования внимания правительственных структур к аспектам культуры? Если на лицо подтверждённые факты не однократного выхода из кризисных ситуаций в масштабах страны без активной поддержки культуры, то какова причина отвлечения сил и ресурсов на то, без чего удавалось сохранить основополагающие аспекты жизнеспособного общества – границы, правопорядок, самостоятельность (независимость).

Говорить о том, что экономика твёрдо встала на ноги и способна оказывать посильную поддержку областям культуры пока преждевременно. Тогда почему объявляется год культуры, учреждаются гранты и премии в поддержку различных проектов в сфере культуры?

Можно предположить, что такое широкомасштабное понятие как «культура» является сильным и перспективным конкурентным преимуществом мирового значения в решении вопросов формирования и развития общества в Российской Федерации. Решение национального вопроса только экономическими, политическими и образовательными инструментами не при-